

Вячеслав Богданов

СЕНТЯБРЬ

Стихи

ПРЯМАЯ СВЯЗЬ МЕЖ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ

Вячеслав Богданов (1937–1975) заявил о себе первой книгой «Звон колосьев», вышедшей в Челябинске в 1964 году. Затем издал при жизни в Челябинске и Москве ряд книг, среди которых «Голубой костер», «Перезвон», «Гость полей», «Светунец», «Избранная лирика». Уже первые сборники со всей очевидностью свидетельствовали о вливании в поэтический хор Урала интересного и темпераментного голоса. Стихи молодого поэта были замечены критикой, пришлось по душе читателям. Добрую оценку первым поэтическим шагам его дал известный русский поэт Василий Федоров, отметивший социальную чуткость молодого автора и его яркую поэтическую одаренность.

Шестнадцатилетним юношей приехал Вячеслав в Челябинск, где окончил школу ФЗО и около двух десятков лет проработал на Челябинском металлургическом заводе. В индустриальный город он приехал из деревни Васильевки Тамбовской области, где родился. Память о родном крае, о трудном детстве военных лет и первых послевоенных годах поэт хранил в своем сердце всю жизнь, свидетельством чему стали многие его стихи.

У Вячеслава Богданова острее и ярче, чем у кого-либо из других уральских поэтов, прозвучал мотив неделимого родства деревни и города — неделимости, опирающейся на трудовые истоки («Но однажды в июльскую ночь разглядел я до радостной дрожи: сталеварские руки точь-в-точь, как у пахаря в трещинах тоже...»).

Это и придает его стихам масштабность мировосприятия, исключает тематическую ограниченность.

Хоть живу я под уральским небом,
У огня людей мастеровых,
Но когда я прикасаюсь к хлебу,
Вспоминаю земляков своих.

«Родство»

И при всей кажущейся «гегемонии» в поэзии В. Богданова картин сельской жизни, его никак не назовешь певцом деревни, ибо ему одинаково дороги и близки как просторы дающих стране хлеб степных полей, тревоги яблоневых садов, неукротимо радостный говор рек и ручьев, так и упругая неподатливость железа, становящегося покорным в крепких рабочих руках человека.

Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе красы и добра.

Эти звонкие и величавые слова можно произнести, когда ты действительно преисполнен гордостью за свою Родину, «любовью к ней — не показной», а искренне выстрадавшей, по-сыновнему преданной.

Надо сказать, что патриотические раздумья в поэзии В. Богданова совершенно лишены риторизма и дидактики — они органичны во всех стихах, как органичен и целостен его поэтический мир, вмещающий в себя и эмоциональную насыщенность чувств, и напряженную порывистость размышлений, и густую метафоричность ассоциативного видения. Художнический нерв в стихах Богданова не давлен книжными реминисценциями, в его обнаженной пульсации отчетливо ощущается плоть жизни подлинной, жизни, в которую автор вошел уверенно хотя бы потому, что «по дорогам нетореным, тряским из-под рук моих песня и труд далеко уходили, как сказки...». И горделивые слова, что у него «завод — отец, деревня — мать. И черный труд — учитель!», — не декларационное заявление, а неотъемлемая часть биографии трудовой и биографии творческой.

Триединство, провозглашенное поэтом как магистральная основа становления его характера, проявляется в творческих исканиях В. Богданова по-крупному весомо и зримо. В стихотворении «Заводская дорога» поэт так говорит о значении в его судьбе рабочей дороги:

Не кончаешься ты у цехов,
Под огнем своих плавок искристых,
Ты — начало судьбы и стихов,
Всех дорог моих дальних и близких.
...Если что-то случится со мной,
Вдруг в пути заплутаю немного,
Оглянусь — у меня за спиной
Свет несет заводская дорога.

Благодарное чувство к заводу, высказанное уроженцем деревни, как нельзя лучше характеризует тот гигантский социальный сдвиг, который происходит в нашем обществе, трансформируя психологию труженика: и для выходца из села город может стать ничуть не менее дорогим и близким, чем отчий край, если ты не просто прировнялся к новым условиям, а прошел в них настоящую школу жизни.

О земле родной Вячеслав Богданов написал немало прекрасных стихов большого лирического накала («Дорога», «Сток», «У летней воды», «День встает и высок и размахист», «Наедине с полями», «Голубой костер» и многие другие). Смее утверждать, что лучшие стихи этого цикла можно поставить в авангард отечественной лирики наших дней — рядом с поэзией Н. Рубцова, А. Жигулина, В. Соколова. В этих стихах — глубина мысли, яркая образность, одухотворенность, точное чувство многоцветности и многомерности русского слова проявились со своей незаурядностью.

Но Вячеслав Богданов — не певец-пейзажист. Деятельному и энергичному мироучувствованию его чужда эстетствующая созерцательность. Он видит землю не столько дарительницей красоты, сколько труженицей, кормилицей, и потому всегда в его стихах слышится рабочее дыхание земли и людей, берегущих это дыхание («Воды», «Вдова», «Яблоня», «Засуха», «Забытый брод», «Древняя степь» и др.). И всюду — неукротимое желание помочь своей матери-земле, даже чувство огорчения, и вины, и даже страха того, что он, возмужавший в заводских цехах, нечаянно оказался «ничем не причастным» к родной земле (поэма «Звено»). Но сомнения эти временные — и они рассеиваются, когда поэт обретает муд-

Вячеслав Богданов

рое понимание третьей жизненной опоры, «черного труда» — учителя, объединяющего завод и землю в единый и непоколебимый организм бытия. И тогда рождаются зрелые и точные строки:

Не хлебороб я — заводчанин,
Но мне деревня дорога.
Пусть на колхозных этих даях
Не сеял хлеб я, не растил,
Но знаю, плуг из нашей стали
Вот эту землю бороздил.

И приходят те уверенно-прочные обобщения своей жизненной программы, своего предназначения, как в стихотворении «Наедине с полями»:

Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,
Земную славу хлеборобов
Роднить со славой заводчан!

Здесь ключ к своеобразию поэта, сумевшего соединить в себе и певца индустрии, и певца полей и одинаково горячо, взволнованно и талантливо показать не-расторжимость деревенской и рабочей жизни, слить их в единую тему народа, Родины. В «Руси» Богданов говорит:

Я вглядываюсь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пущи...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

Историзм мышления, четкость позиции, от года к году крепнущее мастерство, глубокое сознание важности и нужности поэтического слова народу («Добывая слово, словно — честь... чтоб его, как яблоко в ладони, в час усталый людям преподнести») — все эти качества начинали разворачиваться в полную мощь в последние годы жизни Вячеслава Богданова и обещали поэта крупного масштаба.

Николай КУЗИН

ПАМЯТИ ПОЭТА

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.*

Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
Желтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
Что выла, словно сука, —
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лед треснул на Оке...
Только мать на всей Руси проснулась...
Что же ей почудилось тогда?
Может быть,
Взаправду увидала,
Как с небес
Горючая звезда
На крыльцо морозное упала.
И зажгла зарю в селе звезда.
Мать у русской печки суетилась.
По снегам глубоким,
Как беда,
Весть на санках к дому подкатилась.
Рухнул месяц с голубых высот.
И березы
В дымной круговерти,
Словно петлю,
Рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.

1969

ГОЛОВА

*Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.*

М.Ю. Лермонтов

А во сне,
Как будто наяву,
Застонала на бугре трава.

Закружилась буря...
И в траву
С плеч моих
Скатилась голова.
И ее
Упругие ветра
Покатили яростно с бугра.
Черный смерч бунтует в вышине!
И бегу я в муках через рвы.
Закричали люди в стороне:
— Гляньте,
Гляньте,
Он без головы! —
Я не знаю сам, кого молю:
— Придержите голову мою?!

Высоко поднял июльский день
Меч пудовый
Вражеской молвы:
Кто огонь,
Кто облако,
Кто пень
Мне совали
Вместо головы...
Только я
Сквозь посвист ветряной
Слышал голос дальний
И родной:
— Упадешь! —
И будут все правы,
Если ты умрешь без головы...

Я бежать за головой устал.
И восход
Под всполохи берез,
Лебедем над омутом привстав,
Мне ее
Высоко преподнес.
От беды прозрев —
Да знать врагу, —
Голову для битвы берегу!

1970

ДЕРЕВУШКА

До войны в деревушке безвестной,
У степной безымянной реки,
На гулянках протяжные песни
Распевали мои земляки.
Выезжали, веселые, в поле.
И до осени с самой весны

И пахали они, и пололи,
Полевыми ветрами пьяны.
Возвращались в деревню под вечер
На телегах рабочего дня.
И бежала к ним стайкой навстречу
Босиком от реки ребятня.
Сколько жизни в мальчишеском беге!
От загара черны, как гольцы,
Окружали ребята телеги,
Отдавали им вожжи отцы.
Но однажды с неслыханной силой
Степь качнула взрывная волна.
На устах деревушки застыло
Распроклятое слово — война.
И в степном трудовом захолустье,
Над привольем земли и удач,
Не вмещался в широкие устья
Над рекою растерянный плач...
Пахли дали слезами и рожью.
На телеги садились мальцы.
Ведь не зря им упругие вожжи
Доверяли когда-то отцы...
Много лет с той поры миновало.
Каждый дом в деревушке притих.
И вернулся с войны запевала,
Но не слышу я песен былых...

ДРЕВНЯЯ СТЕПЬ

Лежит земля, обжитая веками.
И на закат, темнеющий вдаль,
Идут в степи седыми стариками
Нагруженные синью ковыли.
Так шли они и двести лет, и триста...
И добрались до нынешнего дня.
В который раз волною серебристой
Они ложатся под ноги коня!
И степь хранит их твердо — целиною,
Хоть жметесь к ней весною борозда...
Из века в век — в луга и к водопою
Ведет она — звенящая — стада!
Мне изначальный путь ее неведом,
Но знаю я одно наверняка —
Вот в эту степь пришел мой русский предок,
С косой в руке, с правами бедняка.
Он снял армяк и бросил, словно горе,
И выпустил на пастбище коров.
Еще тепла земля на косогоре
От ног босых и от ночных костров...
Пронизанный и солнцем, и ветрами,
Он шел по росам к речке выбрать сеть.

И голосом зари и разнотравья
В крови свободу пробуждала степь!
Дождем умыт и пятерней причесан,
Гася утрами на судьбину злость,
Так отбивал он говорливо косу,
Что барину ночами не спалось...
...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...

1970

СЕНТЯБРЬ

Веселая,
сквозная,
продувная
Пришла она, осенняя пора.
На стол легла горячим караваем,
Листою закружилась у двора.
Пришла с нарядной красною рябиной,
Ее ветвей упругих не щадя,
С пугливой суетою воробьиной
И с серостью настырного дождя.
Родной сентябрь!
До радости,
До пенья
Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.
Я никакой обиды не припомню
И никому беды не причиню,
А лишь уйду к березам через пойму
И поклонюсь серебряному дню.
И станет память чище и милее
О поле, о заводе, о руде...
И закипят в душе,
Как муравейник,
Былые дни, прожитые в труде...